

2 Cm 132

1115
1872
48
1115

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

БИБЛИОТЕКА
47 с. АВГ. 1911
И. М. У.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублей).

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION: 24 issues — \$3.00.

Отдѣльные номера по 15 ц. Issued semi-monthly, every 14-th and 28-th. Single copies at 15 cents

Rev. A. Hotovitzky, Publisher.

15 E. 97th St. N. Y. City

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

No. 22. Vol. XV. — NEW YORK, NOVEMBER 28, 1911, — 15 Ноября 1911 г. No. 22.

Къ вопросу о свободѣ совѣсти Высокопреосвященнаго Архіепископа Платона.

Concerning freedom of Conscience.

By The Most Reverend Archbishop Platon.

Помѣщаемая ниже статья представляет собою въ извлеченіи публичное чтеніе Высокопреосвященнѣйшаго автора въ Кіевскомъ религиозно-просвѣтительномъ Обществѣ въ самый разгаръ поднявшихся въ недавнее время въ Россіи толковъ и разсужденій по вопросу о свободѣ совѣсти, сохраняющее полный интересъ и нынѣ какъ для православныхъ читателей, такъ и для инославныхъ интересующихся постановкой этого вопроса въ православной богословской печати.

The following article is an extract from a public address which the Most Reverend author read before the Society for Religious Instruction in Kieff, when the question of religious freedom in Russia was being warmly debated. It has not lost any of its interest, either for the Orthodox readers of to-day or for members of other denominations who are following the present position of this question in Russian theological literature.

...Вопросъ о свободѣ совѣсти, какъ всегда было въ прошломъ, такъ и теперь является однимъ изъ самыхъ большихъ вопросовъ жизни. Въ последнее время вниманіе русскаго общества было сильно занято имъ. Достаточно было одной только рѣчи М. А. Стаховича, правда, какъ говорится, ребромъ поставившей этотъ вопросъ, чтобы вызвать страстную полемику, родить большую литературу, взволновать и привести въ движеніе все общество, раздѣлить его на нападающихъ и защищающихъ Церковь съ ея нынѣшнимъ состояніемъ и въ ея нынѣшнемъ положеніи.

«Меня спросятъ, говоритъ г. Стаховичъ въ своемъ докладѣ, — чего вы хотите? Разрѣшенія не только безнаказаннаго отпаденія отъ православія, но и права безнаказаннаго неповѣданія своей вѣры, т. е. совращенія другихъ? Это подразумѣвается подъ свободой совѣсти? Я отвѣчу: «да, только это называется свободой совѣсти».

Какъ извѣстно, многіе тотчасъ же печатно заявили о своей полной солидарности съ этимъ взглядомъ на свободу совѣсти. Но еще больше высказалось противъ него. И вотъ, если теперь возьметъ кто на себя трудъ ознакомиться со всѣмъ, что было высказано за и противъ этого взгляда на свободу совѣсти, тотъ увидитъ, что обсужденіе вопроса сразу приняло острый характеръ спора, въ которомъ на ряду съ существеннымъ много было сказано и такого, что лишь стороною касается предмета и чего, собственно, не слѣдовало бы говорить.

Такъ, нѣкоторые, напр., изъ раздѣляющихъ взглядъ г. Стаховича оставили принципиальное обсужденіе вопроса и набросались на наше духовенство, усматривая въ немъ главную причину нынѣшнихъ религіозныхъ броженій и затрудненій. И тогда какъ одни изъ нихъ считаютъ духовенство отставшимъ отъ времени, малообразованнымъ и поэтому не могущимъ путемъ одного убѣжденія дѣйствовать среди пасомыхъ и направлять ихъ совѣсть христіанскую, другіе указываютъ на

The question of free conscience always has been and still is one of the sorest points of life. Of late the attention of the Russian public is much concerned with it. The address, in which M. A. Stahovich put this question in a most direct way, sufficed to call forth passionate polemics, to create a whole literature, to upset and arouse society, dividing it into aggressors and defenders of the church, as it stands now.

“I shall be asked, says M. Stahovich, what are my demands? I demand the right not only to fall away from orthodoxy, but also the right to confess with impunity my belief, that is the right of misleading others. Is this meant by the freedom of conscience? Yes, I answer, this alone can be called freedom of conscience”.

We know, that there were many who immediately announced in print their complete solidarity with this view of the freedom of conscience. But still more spoke against it. So that, if anyone were now to take the trouble of becoming acquainted with the pros and the contras of this view, he could not fail to see that the discussion had assumed the acute character of a dispute, in which along with the essential much was said which touched upon the question but indirectly and which, properly speaking, ought not to have been said at all.

For instance, some people sharing M. Stahovich's view, dropped the examination of the principal question and instead attacked our clergy, as the chief cause of modern unrest and difficulties. Some said that our clergy were behind the times and insufficiently educated and that owing to this they were unable to influence their flock by persuasion alone and to direct its Christian conscience; others pointed to the inertia and idleness of the clergy, their narrow sense of class, ...their tendency to take the place of the former landed gentry in the life of the nation... These latter said, that the masses

босность, лѣнь духовенства, отчужденность его отъ жизни народной, узкую сословность, склонность къ занятію положенія прежнихъ помѣщиковъ въ жизни народной, — на богатство духовенства. Не столько просвѣщать народъ надо, чтобы возвысить его, говорятъ эти, сколько надо принизить духовенство до народа, тогда крѣпко будетъ стоять православіе.

Такой возбужденный и смутанный характеръ приняло обсужденіе вопроса о свободѣ совѣсти.

Между тѣмъ, г. Стаховичъ ставитъ вопросъ прямо и отвѣчаетъ на него ясно: свобода совѣсти или свобода вѣроисповѣданія необходима не только для блага отдѣльной вѣрующей личности, но и для блага православной Церкви. Не насиліе, а убѣжденіе единственное церковное средство и... больше ничего!

Но не все ясное вмѣстѣ съ тѣмъ и правильно. По мнѣнію многихъ, высказавшихся по этому вопросу, служителей Церкви, а также и свѣтскихъ лицъ, которымъ не въ меньшей степени, чѣмъ и г. Стаховичу, дороги интересы Церкви, докладъ его въ одинаковой мѣрѣ и ясенъ въ положеніяхъ и неправиленъ въ нихъ. Говорилось о задачѣ Церкви, съ которой (задачей) предложеніе г. Стаховича стоитъ въ непримиримомъ противорѣчій, говорилось о томъ, что задача Церкви состоитъ въ томъ, чтобы расширяться въ членахъ, просвѣщать свѣтомъ Христовой вѣры всехъ людей, все концы міра, — такъ что, оставаясь вѣрною своей задачѣ, Церковь не можетъ безразлично относиться къ своему умаленію въ членахъ. Не мало сказано о томъ, что заставлять силою вышолнить предписанія Церкви это дѣйствительно значить посягать на права личности, на свободу совѣсти, но и допускать свободный выходъ изъ Церкви, значить допускать ничѣмъ не оправдываемое попустительство, значить посягать на право Церкви, — совершать преступленіе противъ христіанской вѣры — грѣховное *небреженіе*. Сказано

did not need enlightenment so much as the clergy needed to be pushed down to the level of the masses, after which Orthodoxy would be firmly established.

So excited and confused did the character of the discussion of the freedom of conscience become.

However, M. Stahovich asks the question directly and answers it clearly: freedom of conscience, or freedom of religious confession is necessary not merely for the good the individual believer but for the good of the Orthodox Church. Persuasion and not violence is the only weapon of the Church, and... no more.

But everything that is dear is not also correct. Many servants of the Church and some laymen, who expressed their mind on the subject and who hold the interests of the Church just as near to their hearts as does M. Stahovich, are of opinion that this address is equally clear and equally wrong in its theses. Something was said about the object of the Church, to which object M. Stahovich's proposition stands in dead contradiction; it was said that the object of the Church being increase in numbers and the spread of the light of Christ's faith among all people, to the ends of the earth, the Church can not remain faithful to its objects and at the same time be indifferent to the decrease of its members... Not a few said that forcing people into carrying out the prescriptions of the Church would indeed be equal to violating individual rights and freedom of conscience, but that at the same time to make it a rule that a man is free to leave the church would be equal to admitting a laxity which nothing could justify, infringing on the rights of the Church, a crime against the Christian faith and a sinful *neglect*. It was said that persuasion was the true means of influencing the conscience of the believer, but that it is the chief means, it is not always efficient. Proving impotent even when applied in the life of

было объ убѣжденіи, какъ средствѣ воздѣйствія на совѣсть вѣрующаго; что оно первое средство, хотя и не всегда на практикѣ оказывается дѣйственнымъ. Оказываясь маломощнымъ даже въ примѣненіи къ жизни интеллигентной среды, оно въ особенности является такимъ при приложеніи къ заблужденіямъ такой силы, какъ наше крестьянство. Здѣсь часто необходимо бываетъ не только убѣждать, но и удерживать. Допустить полную свободу совращенія — это значитъ отдать простое наше православное крестьянство на расхищеніе и насиліе, на полное надъ его совѣстію господство враговъ православія, сильныхъ своимъ богатствомъ и культурою. Предоставить нашему народу полную свободу и независимость мнѣнія въ религіозныхъ вопросахъ — это значитъ дать ему возможность перестать быть православнымъ, но не свободнымъ въ своей совѣсти.

Такія, между прочимъ, мысли развивались въ защиту *status quo* нашей Церкви въ вопросѣ о свободѣ совѣсти.

Къ этимъ мыслямъ я на этотъ разъ присоединяю краткое раскрытіе слѣдующихъ, относящихся къ существу вопроса о свободѣ совѣсти, положеній:

2) Нѣкоторыя данныя изъ прошлаго христіанской жизни, освѣщающія вопросъ о свободѣ совѣсти.

3) Христіанская любовь, какъ положительное условіе христіанской свободы вообще и свободы совѣсти въ частности.

Рѣчь г. Стаховича о свободѣ совѣсти въ основѣ своей имѣетъ именно рабское утѣжденіе самому себѣ. Быть можетъ, г. Стаховичъ и дѣйствительно пренеполненъ быть, какъ увѣряетъ, благими намѣреніями, выступая съ своимъ докладомъ, тогда помимо его воли устами его къ Церкви предъявила свои требованія современность, предъявила тѣ требованія, которыя св. Церковь никакъ не можетъ выполнить, если не перестанетъ быть собою.

educated people, persuasion is only the more so when used against the errors of such a powerful element as our peasants. In their case, it is necessary not only to persuade, but simply to hold back. To allow them freedom in being misled would mean exposing our Orthodox peasantry to ruin and violence and the entire dominion of wealthy and cultured enemies of Orthodoxy over their conscience. Were our peasants allowed freedom of opinion in religious matters the result would be that they might cease to be Orthodox, without becoming free in their conscience.

Such were some opinions expressed in defense of the *status quo* of our Church with regard to freedom of conscience.

To these ideas I shall now add the following short definition of themes, connected with the question of free conscience in an essential way:

(2) Some data from the past life of Christendom, shedding light on the freedom of conscience.

(3) Christian life as a positive condition of Christian freedom in general and the freedom of the Christian conscience in particular.

M. Stahovich's address about the freedom of conscience is really founded on the demands of a servile catering to one's own self. Very possibly M. Stahovich was truly filled, as he claims, with good intentions, when he brought out his address, but in this case, in spite of his will, modernity spoke through his lips, making demands on the Church, which the Church could not satisfy without ceasing to be itself.

Freedom of religious confession! Yet the Lord said: "if he neglect to hear the Church, let him be unto thee as an heathen man and a publican" (Matthew, XVIII, 17). Hence, if we allow every man to believe as he wishes do not we ascribe to him the right of self-will in his attitude to the Church, —

Свобода вѣроисповѣданія! Но сказано Господомъ: «аще же и Церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь» (Мт. XVIII, 17). Отсюда предоставить каждому вѣровать, какъ хочетъ, не значитъ ли признать за каждымъ право имѣть своевольное отношеніе къ Церкви, т. е. такого рода отношеніе, которое теперь люди желаютъ имѣть ко всему, ко всѣмъ сторонамъ жизни? Докладъ г. Стаховича долженъ былъ произвести такое впечатлѣніе, какое произвелъ, потому что онъ идетъ на встрѣчу желаніямъ времени, или иначе, желанія времени выражены въ немъ. Не о свободѣ личности въ вѣрѣ надо говорить теперь, а объ улучшеніи этой личности. Если бы современная жизнь была истинно христіанской, то тогда совѣсть ихъ даже и не чувствовала бы церковныхъ узъ. Онѣ существуютъ только для того, кто носить имя Христова, не будучи христіаномъ на дѣлѣ. Надо прежде всего освободиться отъ той скверны, той нечистоты, въ которой мы живемъ и которая составляетъ какъ бы нашу плоть, — такому христіанину нѣтъ жизни вне Церкви, ему нуженъ церковной воздухъ и такому можно предоставить полную свободу въ вѣрѣ. О той-же свободѣ, о которой говоритъ г. Стаховичъ, говорили и раньше, но все эти рѣчи такъ и остались безъ приложенія къ христіанской жизни.

Еще въ началѣ христіанства поднимался вопросъ о свободѣ совѣсти, поднимался почти въ той же формѣ, въ какой поднятъ и теперь. Въ четвертомъ вѣкѣ положеніе христіанской церкви оказалось крайне опаснымъ. Отъ времени апостоловъ прошло уже болѣе двухъ столѣтій. Живое преданіе апостольское естественно должно было ослабѣть. Главнымъ источникомъ для усвоенія христіанскихъ истинъ было Свящ. Писаніе, которое, не восполняясь преданіемъ, давало широкій просторъ личному толкованію. Еще Оригенъ отвѣчая на тѣ упреки, которые дѣлалъ христіанству язычникъ Цельсъ, не отрицалъ существованія у христіанъ разностей въ понима-

an attitude which modern people are demanding towards all the sides of life? The great stir created by M. Stahovich's address is due precisely to the fact of his meeting the demands of modernity half way... Yet it is not our individual freedom that we need at present, but the improvement of individuals. If modern life were truly Christian... the conscience of Christians would not so much as feel the reins of the Church. The reins exist only for those who bearing the name of Christ are not Christian in their acts. First of all we must free ourselves from the pollution... in which we live, which is as it were our own flesh; for an ordinary Christian there is no life outside the Church, he needs its atmosphere and in his faith he may be given all possible liberty. As to the freedom advocated by M. Stahovich, it has already been discussed before, but none of these discussions ever found any application to the life of Christendom.

The question of the freedom of conscience has been raised since the very beginning of Christianity, and then as now its form was almost the same. In the IVth Century the Christian Church was very dangerously situated. Two centuries had passed since the days of the apostles. And the living apostolic tradition had naturally grown weaker. The holy Bible was the chief source for the assimilation of Christian truths, but not completed by holy tradition it afforded vast opportunities for personal interpretation. Origen, when Celsius the heathen spoke his reproaches to Christianity, did not deny that among Christians there existed different interpretations of holy Scripture, but, in his eyes these variances merely afforded a proof of the importance of the foundation of Christianity and their good action on life. Citing the example of physicians and philosophers who divide into sects according to the questions they study and their methods of solving them, and also the example of the

пий Св. Писанія; но, съ своей точки зрѣнія, находить въ этихъ разноствяхъ только доказательство важности основъ христіанства и пользы его для жизни. Ссылаясь на примѣръ медиковъ и философовъ, распадающихся на различныя секты по разнообразію вопросовъ, какими занимаются, и способовъ рѣшенія ихъ, а также и на примѣръ іудеевъ, раздѣляющихся на секты, вслѣдствіе различнаго толкованія книгъ Моисеевыхъ и писаній пророческихъ, Оригенъ полагалъ, что по высотѣ христіанства секты въ немъ даже необходимы, такъ какъ изслѣдованіемъ его занимаются весьма многіе изъ людей ученыхъ, и хотя всѣ одинаково считаютъ извѣстныя изреченія божественными, естественно расходятся въ пониманіи ихъ. (Migne, Ser.-graeca, t. XI, III, 12).

Такое возрѣніе на отношеніе къ основамъ христіанства становилось все болѣе ходячимъ среди ученыхъ, приливъ которыхъ постепенно увеличивался, и между которыми Арнобій упоминаетъ и ораторовъ, и грамматиковъ, риторовъ, юрисконсультовъ, медиковъ и философовъ (Migne, Ser.-latina, t. V, II, 5).

По мнѣнію Лактанція, личный разумъ, личное сужденіе человѣка и независимость этого сужденія отъ возможныхъ преданій, главнымъ образомъ и должны были имѣть мѣсто въ религіи (Migne, ser.-lat., t. VII, 11, 8), такъ какъ мудрость и религія — понятія нераздѣльныя, и ложь язычества, по словамъ его, въ томъ и состояла, что въ немъ ничего не давалось для жизни, ничего для мудрости, ничего для вѣры, а все сводилось, какъ выражается онъ, къ культу, имѣющему отношеніе къ пальцамъ (Ibid. IV, 3).

Высказывая подобныя возрѣнія, ни Оригенъ, ни Лактанцій не подозревали всей опасности ихъ. Вѣра въ силу человѣческаго ума и въ любовь его къ истинѣ была естественна въ Оригенѣ при его личной геніальности и горячей любви къ христіанской истинѣ. Оригенъ, остановившій въ свое время развитіе и распространеніе возникшей въ Аравіи

Jews divided into sects according to the various interpretations of Moses and the prophets. Origen maintained that because of the sublimity of Christianity sects were necessary to it, as many learned people studied it and naturally disagreed in the interpretation of certain sayings though all equally accepted them as divine sayings (Migne, Ser.-graeca, t. XI, III, 12).

This view of the foundations of Christianity spread increasingly among people of learning,... amongst whom Arnobius mentions orators, grammarians, rhetoricians, juriconsults, medical men and philosophers (Migne, Ser.-latina, t. V, II, 5).

In the opinion of Lactantius, the personal reason, the personal discrimination and the independence of this discrimination from possible traditions must have their dominant place in religion (Migne, Str.-latina, t. VII, 11, 8), because wisdom and religion are indivisible ideas, and, in his words, the falsehood of heathenry consisted exactly in the fact that it gave nothing to life, wisdom or faith, but resulted, as he says, in a cult related to *fingers* (Ibid. IV, 3)...

In expressing such views neither Origen, nor Lactantius had any suspicion of their great danger. Faith in human reason and its love of truth was natural to Origen with his personal genius and fervent love of Christian truth. Having stopped the growth and spread of a heresy which arose in Arabia by his own influence solely and having even persuaded the heresiarch himself to go back to the bosom of the Church (Eusebius, History, book IV, 33). Origen could not even imagine the arising within the Church of errors, which would not yield to the persuasion and argument of reason. Later on the Church condemned Origen himself for wrong thinking on certain points of Christian doctrine... Lactantius also could hold such views, because he had never had a chance to observe such freedom in real life

ереси однимъ своимъ личнымъ вліаніемъ и убѣжденіемъ и убѣдившій возвратиться въ лоно церкви самаго епископа (Евсевія, Исторія, кн. IV, 23), не могъ даже и представить себѣ возможности появленія въ Церкви такихъ заблужденій, которыя не поддались бы убѣжденіямъ и доводамъ разума. После и самъ онъ подвергся церковному осужденію за неправильный образъ мыслей въ некоторыхъ пунктахъ христіанскаго ученія. Могъ и Лактанцій отстаивать свободу личного разума въ дѣлѣ религіи и посылать даже уворы язычникамъ за ихъ сдержанность въ этомъ дѣлѣ. Онъ могъ держаться такого взгляда потому, что не успѣлъ еще на дѣлѣ увидѣть этой свободы и не могъ предполагать того, что свобода эта можетъ не ограничиться областію того, что въ христіанствѣ преподается для жизни, для мудрости, а перейдетъ и въ область того, что преподается для вѣры. Но умные и образованные язычники того времени, со стороны наблюдавшіе за постепеннымъ развитіемъ въ средѣ христіанской личной свободы разумѣнія его, ясенѣ видѣли ту опасность, какою она грозила христіанству. Въ ряду упрековъ, которые дѣлаетъ у Минуція Феликса христіанству язычникъ, самый важный тотъ, что христіанство стремится къ разрѣшенію такихъ вопросовъ, которые превышаютъ область человѣческаго вѣдѣнія, и по которымъ нельзя сообщить ничего вѣрнаго и точнаго. По словамъ язычника средства человѣческаго ума недостаточны для уясненія не только природы божественной, но и той видимой природы, которая надъ нами и подъ нами; равно какъ и для доказательства того, есть ли дѣйствительное въ природѣ и жизни слѣды божественнаго промысла. Находя самыя попытки ума человѣческаго въ этомъ направленіи недозволительными и нечестивыми, язычникъ выставялъ превосходство язычества предъ христіанствомъ въ томъ, что оно представляло собою, по крайней мѣрѣ, такую религію, въ которой всѣ были твердо согласны, хотя и не могли отдать отчета въ ея происхожде-

and did not suppose that this freedom overstepping the limits of Christian precepts as regards the conduct of life and reason, would encroach on the region of teaching with regard to faith. Yet, the intelligent and educated heathen of the time, who watched from the outside the gradual growth of the idea of personal freedom among Christians, saw more clearly the danger with which it threatened Christianity. According to Minucius Felix, gravest among the reproaches a heathen addresses to Christianity is that Christianity seeks to solve questions which exceed human knowledge, concerning which nothing true and exact can be learned. In the words of the heathen the resources of the mind of man are not enough to understand the visible nature above and below us, let alone understanding divine nature; the same obtains with regard to proofs as to signs of divine providence in nature and life. Think that even an attempt of the human minds in this direction is not permissible and impious, the heathen claims that the superiority of heathendom over Christianity is that it at least was a religion concerning which all its followers agreed, through no one could account for its origin, so that it was an ancient, useful and salutary religion... The heathen could not obtain from indignation when pointing out the fact, overlooked by both Origen and Lactantius, that "certain (Christian) people, though uneducated, ignorant, strangers to all arts, dare to discuss the essence of things and Divinity, concerning which philosophers of various schools dispute for so many centuries". And in truth, the limitation of the human mind makes it so very far from the knowledge of God that it can not reach either that which is in heaven above or within the bowels of the earth below, that it is not given to him either to know or to understand it, that it is impious even to attempt to penetrate these mysteries ("Octavius", V. Works of other

ни, — религію древнюю, полегкую и спасительную. Изычникъ не могъ безъ поговорокъ не отмѣнить тотъ фактъ, упомянутый изъ вида и Оригеномъ и Лактанціемъ, что «нѣкоторые (изъ христіанъ) необразованные, невѣжды, чуждые понятія о самыхъ простыхъ искусствахъ, осмѣливаются разсуждать о сущности вещей и Божествъ, о чемъ въ продолженіе столѣтій нѣкогда спорить между собою философы различныхъ школъ. Въ самомъ дѣлѣ, ограниченности человѣческаго ума такъ далеко до познаній Бога, что ему недоступно ни то, что находится надъ нимъ на небѣ, ни то, что заключено въ глубочайшихъ вѣдрахъ земли, ему не дано это знать и постигать, и даже нечестиво пытаться проникать въ эти тайны («Октавій» V. Сочиненія др. христ. апологетовъ, протоіер. Преображенскаго, Спб. 1895, стр. 228—229).

Невольно съ этимъ согласишься, когда вспомнишь, какъ и чѣмъ такъ скоро показало себя въ христіанской жизни свободное отношеніе разума къ истинамъ вѣры. Аріанство и дальнѣйшія ереси, такъ терзавшія Церковь, во всей силѣ показали страшную опасность для жизни отъ полной свободы въ отношеніи къ вопросамъ вѣры и необходимость нѣкоторой въ этихъ вопросахъ сдержанности.

Что было въ христіанской древности, то можно наблюдать и теперь. Не успѣлъ, какъ говорится, г. Стаховичъ высказаться по вопросу о свободѣ совѣсти, какъ такіе писатели, какъ Боборыкинъ, напр., налету схватываютъ его мысли и пускаютъ въ оборотъ. И наконецъ г. Стаховичъ готовъ отрестититься отъ этихъ сотрудниковъ. По крайвей мѣрѣ, онъ не утверждаетъ того, что именно въ Церкви истинное христіанство, какъ то утверждаетъ г. Боборыкинъ, по которому в сущности есть «богоискательство», всегда живущее въ русскомъ народѣ, что въ расколѣ и сектанствѣ одно только хорошее, что тамъ, между прочимъ, существуетъ великій социальный принципъ солидарности и равномернаго распределения земныхъ благъ. А между тѣмъ, сер-

Christian apologists, by Archpriest Preobrajensky, St. Petersburg, 1895, pp. 228—229).

One can not help agreeing with this, when calling to mind what the free attitude of the mind towards the truths of faith so soon showed itself to be in the life of Christianity. Arianism and the other heresies, which tormented the Church for so long, have fully demonstrated the dreadful danger of complete freedom with regard to questions of faith and the necessity of certain restrictions in dealing with them.

That which was in the days of early Christianity can be seen even in our time. M. Stahovich had hardly finished expressing himself concerning freedom of conscience, when novelists of P. Boborikin's *) class caught his thoughts in the air and put them in circulation. And surely M. Stahovich would do anything to guard himself against such partners. At any rate, he does not claim that true Christianity exists only outside the Church, whereas according to P. Boborikin Stundism also is a form of the search of God, which is ever alive in the Russian masses, ... and dissent and sectarianism have nothing but good and, moreover, the great social principle of solidarity and the even distribution of the good things of the world are to be found in Russian sectarianism. In spite of all this, what profound sadness takes hold of one's heart, piercing it with sharp pain, at the mere thought of the great number of sects which are the fruit of the ignorant religious free thinking. For instance, can the term of the 'national school of ethical culture' be applied to *Drigoloff faith* or the *Commerçant's paradise*, a sect which recently appeared in the Government of Saratoff. Its founder Afanasiy Konovaloff and his son Andrey

*) A minor novelist much influenced by the undesirable kind of French literature.—V. J. Translator.

не охватываютъ глубокая скорбь и пронизываетъ острая боль отъ одного представления всей этой массы сектъ, которая суть плоды религиознаго невѣжественнаго свободомыслия. Ну, можно ли назвать школой пародно-стическаго воспитанія эту, напр., «двигаловскую школу» или «коммерсантовъ рай», — только, недавно появившійся въ Саратовской губерши. Основатель его, крестьянинъ Аванасій Коноваловъ съ сыномъ Андреемъ продаетъ своимъ последователямъ мѣста въ рай, говоря, что теперь время последнее и мѣста въ рай осталось мало, а потому нужно покупать заблаговременно. Есть въ рай первый классъ и стоитъ 10 рублей, а есть и второй, цѣною въ 5 рублей. Первоклассники могутъ посидѣть въ креслѣ и полежаать на диванѣ, а второклассники будутъ сидѣть на табуреткѣ и смотрѣть на блаженство первыхъ. Мѣста въ рай продаются не только живымъ, но и мертвымъ. Продажа мѣста последнимъ происходитъ такъ: умершаго умываютъ три раза холодной водой, надеваютъ бѣлую длинную рубашку и бѣлый длинный халатъ и запутываютъ съ ногъ до головы бѣлыми нитками. Коноваловы берутъ умершаго за голову, а двѣ старши дѣвщцы — за ноги и *двинутыя* (отсюда *двинтовская вѣра*) его вьздъ и впередъ по лавкѣ три раза, приговаривая: «двесь съ нами и въ рай съ нами» (Миссіонерскій календарь на 1902 г., стр. 206—207).

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Возмущеніе у Римо-католиковъ.

Отъ East-а до West-а прошумѣла на американской сценѣ пьеса J. M. Patterson-а "Rebel-Пов". Главную роль въ пьесѣ играетъ весьма популярная актриса Gertrude Elliot. Дѣйствіе происходитъ въ Чикаго.

Молодая, красивая, умная Miss Georgia Talbot увлекается Jim Connor-омъ и завязываетъ съ нимъ узелъ Гименей. Послѣ брака оказывается, что Connor, служащій гдѣ-то въ офрисѣ, страдаетъ извѣстной «слабостью». Вечера онъ любитъ проводить на «конарѣ» и приходитъ домой поздно ночью. Велѣдствіе своей «слабо-

sell places in paradise to their followers, claiming that this is the end of the world and therefore, there being but few places left in heaven, they ought to be bought in good time. Paradise has a first class costing 10 roubles and a second class costing 5 roubles. The first class people may sit in an armchair or stretch themselves on a sofa, but the second class can only sit on a stool and look at the bliss of the former. Places in paradise are sold not to the living alone, but to the dead also. This is how that is done: the deceased is washed thrice in cold water, clad in a long white gown and cloak and wound with white thread from head to foot. The Konovaloffs take the deceased by the head and two old maids take him by the feet and move him *) thrice up and down a bench, saying: "this day with us and in paradise with us" (Missionary Calendar, 1902, pp. 206—207).

(To be continued.)

*) Hence the name of the sect, for to move in Russian is *dvigat*.

сти», онъ часто теряетъ службу, а въ послѣднее время совсѣмъ нигдѣ не служитъ; заниматься «квадромъ» у жены брата на бритые и свистить ихъ въ салунѣ. Молодая, энергичная женщина усѣбно служитъ въ страховомъ обществѣ и содержитъ, кромѣ мужа, еще старушку мать свою и брата, обучающагося въ колледжѣ.

Совершенно опустившійся, обезвѣщенный, распухшій, рылый мужъ, возвращающійся домой на разсвѣтѣ въ состояніи немыслимомъ, становится, наконецъ, невыносимымъ для молодой женщины. Въ одинъ прекрасный июльскій вечеръ, когда Jim укралъ у жены двадцать долларовъ — весь ея наличный капиталъ, и ей не чѣмъ было платитъ за квартиру, она сложила его вещи въ чемоданъ и выбросила ихъ на улицу. Между супругами произошло полный разрывъ. Послѣ крупнаго разговора съ Georgi-ей Jim ушелъ изъ квартиры, за которую онъ не платилъ ни цента.

Драматическій элементъ въ пьесѣ возрастаетъ, когда на сценѣ появляется третье лицо, Mason Stevens, служащій въ томъ же страховомъ обществѣ, гдѣ служитъ и Mrs. Connor. Stevens — полная противоположность безхарактерному

Лип-у. Онъ молодъ, уменъ, корректенъ, энергиченъ, имѣеть всѣ задатки блестящей карьеры (не въ смыслѣ, конечно, стяжанія воздушныхъ титуловъ — отъ «совѣтника» до «совѣтника», — или зачисленія въ несуществующія «ордена»). Georgia знакомилась съ нимъ исподволь, наблюдая его въ оффисѣ и случайно встрѣчаясь внѣ службы. Они безъ словъ поняли другъ друга, поняли, что между ними есть много общаго. Внутренній голосъ подсказывалъ ей, что онъ есть ея лучшая половина и что онъ съ достоинствомъ могъ бы понести почтенное званіе «главы» ея. Тѣмъ же внутреннимъ человѣкомъ разумѣлъ и онъ, что она — его «соответственная» половина и сотворена для того, чтобы быть ему «помощникомъ», «соответственнымъ ему» (Быт.)... О! еслибъ Джорджія умѣла наблюдать семь лѣтъ тому назадъ, когда ей было только девятнадцать!.. «А счастье было такъ близко, такъ возможно!»...

Еще болѣе осложняется драматизмъ въ дѣйствіи, когда къ числу дѣйствующихъ лицъ присоединяется и старый патеръ того прихода, къ которому принадлежитъ католическое семейство Талботъ. Въ воскресенье послѣ мессы патеръ, по приглашенію весьма религіозной старушки Талботъ, приходитъ поговорить съ Mrs. Connor. Единственный consolation, который можетъ дать молодой женщинѣ патеръ Hervey, это совѣтъ примириться съ мужемъ — “forgive and forget”. Послѣ самой отчаянной «ломки рукъ», послѣ сверхчеловѣческихъ нравственныхъ усилій надъ собой, Джорджія, умная христіанка, рѣшается еще разъ не только установить modus vivendi, но согрѣть несчастнаго мужа своего любовью жены... — При оживленныхъ аплодисментахъ занавѣсъ опускается.

Дѣйствіе третье. Восемнадцать мѣсяцевъ спустя. «Половина шестаго» утра. Мартъ. — Спальная комната, тускло освѣщенная; бѣдная обстановка. — Нераздѣтая старушка Talbot съ аханьями и оханьями просыпается, ворочается и потягивается на кровати. Mrs. Connor съ блѣднымъ, изможденнымъ, когда-то очаровательнымъ, лицомъ, дремлетъ въ креслѣ возлѣ своего шестимѣсячнаго малютки—сына. Вскакиваетъ съ кресла. Смотритъ на часы: 5.30; поднимаетъ пламя тусклой лампы. Надо дать ребенку лекарство. Онъ лежитъ въ постелькѣ красивый, горячій, съ раскрытымъ, запекшимся ротиномъ. Видъ у него совсѣмъ старческій, съ глубокими морщинами на лбу.. Мать безпомощно

поднимаетъ глаза къ небу, ломаетъ руки: «Боже! Неужели и онъ будетъ такимъ же «неизлѣчимымъ», какъ его отецъ?!.. Нѣтъ! Я не допущу этого! Я воспитаю изъ него здороваго, сильнаго мужчину! Я сдѣлаю это! Нѣтъ, онъ не будетъ похожъ на отца!»... Проясняется лицо матери; въ красивыхъ глазахъ засвѣтился теплый огонекъ; въ душѣ зашевелилась, давно погасшая, надежда, вѣра... Она любовно-внимательно всматривается въ черты ребенка... «Что такое?!»... «Боже мой!!»... «Онъ не дышитъ!»... «Умеръ»...

Съ шумомъ раскрывается дверь въ спальню. Джимъ, едва держащійся на ногахъ, вваливается въ комнату.. Потерявши равновѣсіе, падаетъ среди комнаты и забывается пьянымъ сномъ, совсѣмъ отравленный спертымъ воздухомъ спальни. — Занавѣсъ.

Дѣйствіе четвертое. Снова выступаютъ на сцену Mason Stevens и патеръ Hervey. — Въ теченіе года послѣ трагической смерти своего ребенка Mrs. Connor ведетъ замкнутую жизнь анахорета: она не видится ни съ мужемъ, ни съ Стевенсомъ.

Въ одно весеннее утро заходитъ къ ней патеръ Хервей и пробуетъ поднять разговоръ о ея мужѣ. Она при всей своей христіанской настроенности и симпатичномъ характерѣ, не можетъ даже слышать имени того несчастнаго человѣка, который узами римскаго брака сковалъ ее навсегда и сдѣлалъ несчастнѣйшими и себя, и ее; убилъ ея ребенка... Она потеряла всякую надежду на возможность восстановленія согласныхъ отношеній, убѣдившись горькимъ опытомъ многихъ лѣтъ, что Джимъ безнадежный, неизлѣчимый алкоголикъ... Патеръ читаетъ ей прежнюю и единственную, имѣющуюся у него, «приличную случаю» (какъ говорятъ при описаніяхъ «торжествъ»), проповѣдь: надо терпѣть и страдать, страдать и терпѣть... ибо законъ церкви неумолимъ. И что больше могъ сказать ей старецъ-целибатъ, еще на школьной скамьѣ усвоившій взглядъ на бракъ, какъ на нѣчто недостойное лучшихъ людей, и потому отгонявшій отъ себя даже и мысль о возможныхъ перипетіяхъ и осложненіяхъ брачнаго сопряженія?.. Шаблонная проповѣдь патера о неумолимомъ законѣ римской церкви возмущаетъ живое сердце Джорджии и она впервые теряетъ уваженіе къ маститому фадеру и начинаетъ горячо возражать. Она встаетъ, и выпрямившись во весь свой изящный ростъ, броса-

еть патеру роковыя слова: «я требую развода!» На эти слова ошеломленный старикъ отвѣчаетъ ей угрозой лишенія *absolutio*, вѣчнымъ наказаніемъ въ аду и несмываемымъ проклятіемъ въ сей жизни, которое особенно будетъ мучить ее въ предсмертный часъ....

Подходитъ Стевенсъ. Онъ слышитъ послѣднія слова, и обращаясь къ патеру, тоже говоритъ и говорить: «Если это такъ, то вашъ католическій Богъ — жестокий Богъ!» Рѣзкая, ожесточенная угроза патера потрясла до глубины чувствительную женщину. Она переживаетъ въ своемъ существѣ невыразимое страданіе. Съ одной стороны она сознаетъ, что честь ея нетронута, что она чиста предъ мужемъ своимъ, какъ капля воды на солнышкѣ и что страдаетъ она по причинѣ его. Съ другой стороны, она чувствуетъ искреннее влеченіе къ мужчине такому же безупречному, какъ она сама, встрѣчаетъ полное взаимное довѣріе, ясно видитъ «соотвѣтствіе» (предусмотрѣнное Создателемъ для первой четы), и видитъ... мужа, чрезъ котораго надо перешагнуть, а дальше — несмываемое проклятіе до самаго гроба, а за гробомъ — нескончаемый адъ, вѣчныя страданія. Такую страшную борьбу она, сильная женщина, не въ силахъ перенести, и въ полномъ отчаяніи, какъ человѣкъ съ револьверомъ у виска, она бросается въ адъ — въ горячія объятія Стевенса. Теперь Хервей, какъ въ воду опущенный, безмолвный, понуря голову, уходитъ за дверь. — Падаешь занавѣсъ.

Какъ видно уже изъ названія пьесы *Rebellion* (возмущеніе, возстаніе), она служитъ выраженіемъ общественнаго протеста противъ «Драконовыхъ законовъ» Рима о нерасторжимости брака. Мать-католичка, безупречная, серьезная женщина, выросшая въ католическихъ традиціяхъ, постоянно носящая въ своемъ ручномъ сакѣ католическій розарій, съ уваженіемъ относящаяся къ своему пастору, вообще—примѣрная католичка, промучившись безъ малаго десятокъ лѣтъ (для многихъ изъ сильнѣйшей половины человечества—юбилейный, пенсіонный предѣлъ!), связанная съ совершенно чужимъ для нея мужчиной, категорически заявляетъ своимъ законодателямъ: «я требую развода!» А представитель закона — молчитъ. . . Потомъ, «главу опустивши на грудь, въ обратный пускается путь». Не слышится ли ему въ словахъ женщины чревоболѣвшей злобщій «крикъ пѣтуха»?...

Св. Павелъ, глубокомысленнѣйшій психологъ, далеко видѣвшій «яже въ человѣкѣ», рассуждая о святости брака, называлъ его «тайной великой». Въ этой «тайнѣ великой» двумъ «соотвѣтственнымъ» другъ другу душамъ преподается благодать св. Духа, при помощи которой они и духовно, и тѣлесно сочетаются другъ другъ союзомъ взаимной любви и принимаютъ на себя высокой объѣтъ обоюдной чистоты, послушанія (1 Кор. VII, 4) и нерушимаго храненія райской заповѣди (Быт. 1, 28). Какъ носители особой таинственной благодати, какъ принявшіе на себя тройственный объѣтъ, брачущіеся уподобляются (какъ это ни странно) инокамъ. Бракъ—таинство есть родная сестра монашества; съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ, что монахъ въ соотвѣтствіе третьему объѣту брачущихся беретъ на себя объѣтъ не пріобрѣтать собственности, не владѣть ничѣмъ (соотвѣтственно — «множитесь» и «обладайте»), и какъ освобожденный отъ храненія «райской заповѣди», не получаетъ особыхъ благодатныхъ даровъ для прохожденія своего званія. Не называя монашества «таинствомъ» (хотя были попытки къ этому) и не снабжая постригаемаго особою вспомоществующею благодатью, церковь смотритъ на монашество, какъ на упрощенный путь ко спасенію, «болѣе легкій», по выраженію св. Златоуста, краснорѣчивѣйшаго апологета; великій Павелъ говоритъ брачущимся съ трогательною нѣжностью: «а миѣ васъ жаль» (1 Кор. VII, 28).

Западники принизили «тайну» брака, абсолютно (это характерно!) запретивши ее клиру, какъ нѣчто недостойное привилегированнаго церковнаго сословія, церковной аристократіи. Они представили ее только своимъ «хлопамъ» — мірянамъ, какъ палліативъ. «Бракъ есть таинство, въ которомъ два свободныя (прежде) лица обязуются жить въ брачномъ состояніи и пребывать въ этомъ состояніи до смерти»: такъ учить римокатолическій катихизисъ. Формальный контрактъ между объектами обоихъ половъ — и только. «Вожди» налагаютъ на своихъ подданныхъ «бремена тяжкія и неудобноносимыя».

Узы гражданск. брака никого ничѣмъ нравственно не связываютъ. Неразрѣшимыя узы римскія совѣмъ не требуютъ нравственной связи: *ex opere operato* — и все. Что первыя — крайность, объ этомъ говорятъ факты, и кричатъ благоразумные люди давно и въ рѣчахъ, и въ

печати; сейчасъ этимъ вопросомъ специально озабочены, напр., "The World to-day" — чуткий дѣльный журнѣль; а "Current Literature" (сентябрь) обсуждаетъ вопросъ о «разложеніи американской семьи». Въ католическомъ мірѣ тоже давно слышится глухой протестъ, но правннще католики — искусные дипломаты, хорошо усвоившіе мудрость вѣка сего (ибо «сыны вѣка сего мудрѣйшіе»), умѣютъ налагать "lid" (крышку) на уста своихъ овецъ, и потому протестъ этотъ, какъ глухой гулъ, всегда былъ незамеченъ и незвучущъ.

Но, когда громко и смѣло заявляетъ свой протестъ мать-чревоболѣвшая, — это знаменіе времени. Начинаетъ дрожать самая живая подпора непогрѣшимой cathedr-y — слѣпая преданность католической женщины. Абсолютную предстоитъ гамлетовская дилемма: или уступить, или потерять существенный уронъ. Ромѣшекъ махинка, несомнѣнно, богато одаренный герой, но герой трагедіи, созданный исторіей, а трагедія не можетъ продолжаться «до скончанія вѣка», кончить ся — одинъ и неизмѣнный.

Бракоразводное дѣло въ Америкѣ сейчасъ переживаетъ кризисъ — муки рожденія. Вопросъ этотъ можетъ закрыться только тогда, когда общественное сознаніе американцевъ естественнымъ путемъ подойдетъ (несомнѣнно, подойдетъ) къ тому золотому, среднему пункту, который положенъ въ основу «великой тайны» брака Восточной Православной Церкви.

«Стоять снѣ и тяжко вздымать,
Пока озарится Востокъ»...

I. П. Анахоретъ

Современная пропаганда

Римскаго католичества въ Россіи при помощи униіи.

Почти каждый день приноситъ какія-либо новыя разоблаченія относительно новѣйшей пропаганды р. католичества въ Россіи. Постепенно раскрывается необыкновенно дѣтской глупостью и планъ окатоличенія православнаго русскаго народа, придуманный въ Римѣ и систематически проводившійся въ жизнь у насъ въ послѣдніе 5—6 лѣтъ всакии епископами. Читая новѣйшія разоблаче-

нія махинацій р.-католической пропаганды въ Россіи и просто глазамъ своимъ не вѣришь. Какъ будто исторія повторяется при такихъ условіяхъ, которыя, казалось бы, должны были исключать всякую возможность подобныхъ повтореній.

Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что въ Западной Россіи 200—300 лѣтъ тому назадъ происходила усиленная пропаганда р.-католичества среди русскіхъ людей. Намъ извѣстно изъ историческихъ памятниковъ, что тогда монахи различныхъ католическихъ орденовъ свободно разъѣзжали по городамъ и селамъ русскимъ, устраивая вездѣ свои миссіи, революціи и т. п. Мы знаемъ также и то, что тогда іезуиты и др. католическіе миссіонеры въ школахъ совращали русскіхъ дѣтей, въ костелахъ и на площадяхъ въ своихъ проповѣдяхъ порицали и осуждали православную вѣру русскаго народа. Хотя и немногимъ изъ насъ, но все таки извѣстна обширная, безстыдная, лживая, построенная цѣлкомъ на фальши, литература, гдѣ выводились всякіи инсинуаціи и всякая клевета на православную вѣру, которая представлялась авторами той литературы, какъ сплошное суевѣріе, какъ презрѣнная схизма (расколъ), какъ завѣтъ грековъ, желавшихъ будто бы потопить русскіхъ въ невѣдествѣ и обосновать на этомъ свое собственное господство надъ ними. Мы знаемъ также и то, какими результатами сопровождалась такая безстыдная, наглая, антихристіанская пропагандерская дѣтельность польскіхъ р.-католиковъ въ Западной Россіи. Всякій, если пожелаетъ, можетъ прочесть о томъ, какъ русскіе люди, преимущественно, впрочемъ, дворянскаго происхожденія (по нынѣшнему интеллигентные), тогда цѣлыми сотнями и даже тысячами измѣняли своей родной вѣрѣ, преклонялись предъ папскимъ сѣдалищемъ и погибли навсегда въ польско-католическомъ водоворотѣ. Кровь стынеть въ жилахъ, когда читаешь рассказы о томъ, что творилось въ Западной Россіи 200—300 лѣтъ тому назадъ.

Но, вѣдь, тогда были совсѣмъ иныя условія, чѣмъ теперь. Тогда Западная Россія входила въ составъ польскаго государства. Тогда пропаганда римо-католическая развивалась здѣсь подъ покровительствомъ р.-католическаго польскаго правительства, подъ защитою закона, который признавалъ въ польскомъ государствѣ р.-католичество не только господствующею вѣрою, но и единственною, имѣющею право на существованіе. Поэтому, все то, что мы знаемъ о р.-катол. пропагандѣ среди русскаго населенія Польши 200—300 лѣтъ тому назадъ, хотя и можетъ и должно ужасать насъ, но оно вполне понятно для насъ. А вотъ того, что нынѣ творится на нашихъ глазахъ, рѣшительно нельзя понять и объяснить.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, сейчасъ идетъ пропаганда р.-католичества среди русскихъ не *изъ Польши*, гдѣ русскіе были рабами, а *изъ Россіи*, гдѣ Православіе, по закону, остается не только свободною, но и господствующею вѣрою русскаго народа во главѣ съ его Самодержцемъ. Между тѣмъ, іезуитскіе ксензды не только открыто совращаютъ русскихъ дѣтей въ школахъ, не только цѣлѣмъ христіанскія семьи переводятъ въ р.-католичество, но даже открыто отказываются читать молитвы за Русскаго Царя во время общественной молитвы. Это именно, какъ оказалось, по разслѣдованіямъ, дѣлалъ іезуитъ Вершинскій въ Москвѣ. А что говорили и чему учили своенравству р.-католическіе ксензды въ западно-русскихъ губерніяхъ во время минувшей революціи? Великая ложь, инсинуація и поддѣлка были использованы ими въ цѣляхъ пропаганды.

Даже и пресловутая унія снова вызвана изъ мрака прошедшей исторіи мученичества русскаго народа въ Польшѣ на свѣтъ Божій все въ тѣхъ же видахъ р.-катол. пропаганды. Въ Петербургѣ существуетъ уже три года ежемѣсячный религіозно-нравственный журналъ подъ заглавіемъ: «Вѣра и жизнь». На

заглавномъ листѣ его красуется р.-католическое изображеніе «сердца Іисуса въ терновомъ вѣнцѣ». Это можетъ съ достаточною ясностью свидѣлать о томъ, кто заправляетъ журналомъ. Впрочемъ, редація журнала и не думала никогда скрывать своихъ намѣреній и своихъ плановъ. Она ведетъ дѣло въ открытую, благо въ Россіи объявлена вѣротерпимость, понимаемая въ томъ деспотами нашими, какъ полная свобода пропаганды на счетъ православія. Журналъ р.-католической пропаганды въ Россіи посвященъ, по словамъ самой редаціи его, «служенію вселенской церкви на русскомъ языкѣ». Подъ вселенскою первоюо разумѣется, конечно, римскій католицизмъ, иже, по объявленію редаціи, между словами: «католическій» и «католическій» нѣтъ никакой разницы, подобно тому, какъ нѣтъ никакой разницы между словами: «театръ» и «коатръ», «библіотека» и «виблиотека».

Вотъ этотъ то журналъ католической пропаганды въ Россіи въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ номеровъ торжественно заявилъ объ открытіи въ Римѣ въ ноябрѣ минувшаго года богослуженій по «русско-католическому образу». Съ этою цѣлію изготовлены заблаговременно особый чинъ литургія по новому образу. Въ составленіи этого чина приняли дѣятельное и главное участіе совратившіеся въ р.-католичество русскіе люди: священникъ Сергій Вершининъ, священникъ Кирилль Королевскій и проф. Владиміръ Забутинъ. Съ тою же цѣлію въ Римѣ устроена особая русско-католическая церковь съ престоломъ и иконостасомъ, въ которомъ между другими изображеніями помѣщены образы преподобныхъ Кіево-Печерскихъ Антонія и Феодосія, какъ русско-католическихъ святыхъ новаго образа».

Наша періодическая печать во главѣ съ «Новымъ Временемъ» (см. въ № 12,607 за 19 апрѣля 1911 г. ст. Н. Зигельгардта: «Римскія фальсификаціи») склонна видѣть во всѣхъ этихъ затѣяхъ римско-католической

пропаганды проявленіе древне-римскаго языческаго духа. «Вѣдь это древній Пантеонъ», — восклицаетъ нововременскій публицистъ, — «куда побѣдители—римляне свозили всѣхъ боговъ побѣжденныхъ народовъ, чтобы привлечь ихъ на свою сторону. Живущій въ прелатахъ римлянинъ и теперь въ XX вѣкѣ, пытается илѣнить подвижниковъ Антонія и Феодосія и тѣмъ принудить святителей русскаго православія служить римскому костелу!»

Совсѣмъ не то это, съ увѣренностію можемъ сказать мы. Это не гордость, не торжество побѣдителей, а самый грубый, низкопробный подлогъ историческій. Это повтореніе того самаго шарлатанства, какимъ прославились еще въ XVI—XVII в. в. іезуиты въ Западной Руси. Это они-то придумали теорію о томъ, что, будто бы, русская Церковь и приняла христіанство отъ римскихъ папъ и всегда находилась въ духовномъ единеніи и подчиненіи у римскаго престола. Это они-то съ полнѣйшимъ безстыдствомъ шпесали и увѣряли всѣхъ, что всѣ русскіе святые, въ числѣ и Кіево-Печерскіе преподобные, потому только и спаслись, благодаря тому только и

сдѣлались святыми, что они, будто бы, признавали власть непогрѣшимаго папы.

Все это продѣлывается современными іезуитами и др. римско-католическими проповѣдниками единственно въ цѣльхъ возмощенія большихъ усилѣхъ пропаганды. Здѣсь дѣйствуетъ все тотъ же іезуитскій принципъ: «цѣль оправдываетъ средства». Безъ сомнѣній, іезуиты презираютъ «русско-католическій обрядъ» (какое неестественное сочетаніе понятій!). Но онъ имъ нуженъ въ виду пропаганды, а потому и хорошъ.

Отъ насъ самихъ зависитъ, что все это происходитъ на нашихъ глазахъ. Необходимо установить самую точную границу между дѣйствительною вѣротерпимостію и пропагандою. Необходимо безусловно преградить доступъ иностраннымъ пропагандистамъ въ Россію и прекратить свободные разлѣты ихъ по всей Россіи съ единственною цѣлью пропаганды. Что бы сказала Европа, которой мы такъ боимся, если бы русскіе миссіонеры, напр. поѣхали проповѣдывать православіе среди католиковъ Австріи, или лютеранъ Германіи?

«X. Л.»

The Normal Statute

for the Parishes of the American Orthodox Diocese.

(Continued.)

Management of Parochial Affairs.

Parish Council.

§ 15. Parochial affairs are managed, under the superior control of the authorities of the Diocese, by the local Parochial Council.

§ 16. The Parochial Council consists of a) members of the clergy, b) the church warden, c) and the other representatives of the parish (the treasurer, the secretary and the curators or wardens), elected by the parish meeting for one year, in numbers dependent on the extent of the parish and the complexity of its management (but not more than 12), and confirmed in their offices by the authorities of the Diocese. If any one of the candidates for these offices is not confirmed by the Archbishop of the Diocese, the parish, on being informed of the

reason for this non-acceptance, is to elect a new candidate. Having been confirmed in the office, the church warden and the curators are to be sworn in by the priest, on the nearest Sunday or holiday, and only after this they shall begin to perform their duties.

§ 17. The heads of the various church institutions and establishments are invited to take part in the meetings of the Parish Council, with the right to vote on the affairs within their competence.

§ 18. The Parish Council is entrusted with: the protection of the Orthodox faith against various anti-religious sectarian doctrines, which penetrate into the parish; the working out of local methods in the struggle with the Unia; the arrangement of meetings for discussion; taking general measures to make the moral life of the parishioners more stable

and elevated; observing exterior order during divine services; the care of the cleanliness and adornment of the church; collecting money in the church collection box and selling wax tapers during divine services; the purchase of all that is necessary for the church and the parish house; the hire of a guard, and a bell ringer; looking after cemeteries, schools and all parish institutions for instruction or charity; calling the general meetings of the parish; the previous examination of the affairs to be brought before the general meeting; the carrying out of resolutions; keeping the members' lists of the parish; the care of the increase of the means of the parish; the management of the capital and property of the parish; seeing that the parishioners comply with the resolutions of the parish meeting; collecting funds ordered by the parish meeting; seeing that parishioners send their children regularly to the parish school; judging the degree of the neediness of those who seek help or concessions in the payment of parish fees, and the granting of such help in proportion to the proven need and the means of the parish; the monthly revision of the parish capital; intercession before the civil institutions, hospitals, prisons, law courts, factories and schools, for the needs of the parish; communicating with the Authorities of the Diocese through the chairman; at the time of the yearly meeting of the parish, the composition and introduction of the report concerning the circulation of parochial funds during the past year and estimates for the coming year; etc., etc.

§ 19. The parish priest is the chairman of the **Parochial Council**.

§ 20. The chairman of the Parochial Council calls its members to meetings, guides discussions, sees to the carrying out of the council's resolutions, receives papers coming in, and signs those going out, supported by the secretary and the treasurer respectively.

§ 21. In case of disagreement between the chairman and the resolutions of the Council, the case is to be referred, in questions of economy, to the consideration of the general meeting of the parish and in all other questions, to the consideration of the Rural Dean (the blagochinni). The final decision in all questions of parochial life is vested in highest authority of the Diocese.

§ 22. The church warden takes the place of chairman in the absence of the priest, and his voice is first after that of the priest; during divine services at church, he stands at the wax candle box;—he is present at the counting of the money in the candle

and collection boxes; he sets down the amount of assets from these sources; he keeps this money until handing it over to the parish treasurer at the next meeting; together with the chairman and the secretary he signs orders issued to the treasurer for disbursement of parochial money, etc., etc.

§ 23. The secretary is the recorder, he keeps the minutes of the parochial meeting and the meetings of the Council, he keeps the lists of parishioners in the parochial record books, entering in it the numerical data, coming from the priest, and all the correspondence of the parish.

§ 24. The treasurer keeps, receives and spends parish money, keeping exact accounts and records in corresponding books. If the treasurer has had to deposit some money to ensure the safety of the capital entrusted to his keeping, this deposit is to be kept by the Ecclesiastical Consistory.

§ 25. In a more detailed and exact way, the rights and duties of these officers of the parish Council as well as of other curators, collectors, chandlers, controllers, etc., are defined by By-Laws and directions, worked out by each parish.

§ 26. Meetings of the Parish Council take place every month, on definite days announced by the chairman, and extraordinary meetings take place on announcement by not less than one-third of the total members of the Council. Meetings are not considered valid unless not less than half of the members of the Council were present.

Parish Meetings.

§ 27. Parish meetings are ordinary, called by the Parish Council not less than once a year, and extraordinary, called in case of need on the initiative of the priest of the parish, the parishioners themselves, numbering at least 25, the Parish Council, and the Consistorial Authorities.

§ 28. All full members of the parish may take part in the parish meetings, that is to say, adult members, who pay on their own account all the fees the parish statute prescribes and who have fulfilled at certain periods the duties of penance and communion.

§ 29. Taking part in the parish meetings as well as the candidateship for Parish Council offices is forbidden to all who in word or deed bring disgrace on their faith or church, who evade the duty of penance and communion, who secretly or openly injure the welfare of the parish, who belong to organizations which oppose the church, who live in adultery, undermine the authority of the Archbishop of the Diocese and their own priest, who bring disrepute to

the good name of the priest or other members of the clergy, who disobey the resolutions of parish meetings, who persistently and without cause evade payment of the fees and offerings established in the parish and who in general disobey § 14.

§ 30. If a parish meeting is called to consider questions, which, according to the laws of the State, demand compliance with some preliminary formalities, the latter must be fulfilled with thorough exactitude. For example, almost everywhere when property is transferred, the name of the organization changed, amendments made in the Charter, immovable property acquired, it is required that a church corporation should make three public announcements in the church of the parish meetings, mentioning the date and the place of the same and justify the subject of discussion. A notice to this effect is posted conspicuously near the entrance of the church, in a language the parishioners understand. In affairs of civil character, that is pertaining to property and not to the church, the date of the meeting must be on a week day and not on Sunday; it is recommended to obtain the signature of a lawyer to deeds of greater importance.

§ 31. A parish meeting is valid if attended by one-third of the parishioners with the right to vote; and when members of Council are elected, or assessments are self-imposed and other money questions are decided, which concern all the parish, it is necessary that two-thirds of the parishioners should be present. If the meeting does not take place by reason of the insufficient number of the parishioners present, it is called once more at a date not earlier than a fortnight from the first date, and in such case the meeting shall take place if only half of the above mentioned number of parishioners are present. If the second meeting cannot be held, a meeting is called by the same procedure for the third time, and in this case the meeting takes place whatever the number of parishioners present, of which the parishioners shall be duly warned when the meeting is announced.

§ 32. The parish priest presides over parish meetings, and, in case of his illness or absence and also in case of matters for discussion concerning him personally, the priest who replaces him, or the Rural Dean (blagochinni), shall preside, or, in their absence, the church warden.

§ 33. The chairman proposes matters for the discussion of the meeting, guides the discussion and formulates resolutions. If balloting is necessary, it is done either openly or by secret voting, if but a single member requires it. The resolution is established by the simple majority of the votes. In case

the number of votes is even, the chairman has a casting vote.

§ 34. The chairman preserves order, at parish meetings. Having given due warning he may remove anybody who disturbs the seemliness and order of a meeting. If in spite of the measures taken, seemliness and order are not restored among those present, the chairman may close the meeting.

§ 35. The following objects may be discussed by the parochial meeting: a) a request to the Archbishop of the Diocese to name desirable candidates to fill the vacancies among the parochial clergy; b) establishing the amount of the monthly pay to the clergy and the fees for the performance of various rites; c) electing the church warden, the trustees for signing the ecclesiastical documents of the parish and the members of Council; d) discussing questions which bear on the moral and religious life of the parish, for instance, the parishioners taking part in the reading and singing during divine offices, deciding whether singing should be performed by a separate choir or by all parishioners together, resistance to sectarian or alien propaganda, the establishment of parish schools and their support, etc.; e) listening to the yearly report of the parish Council about the credits and debits of the parochial capital and choosing the auditing committee to examine them (if possible, not from among the members of the Parish Council; f) the question of raising money for building and thoroughly repairing churches and other church buildings; g) the question of raising houses for the clergy and repairing them; h) the discussion of the support the parishioners are to give to the church in its various needs, by means of special collections and voluntary donations among the members; i) establishing the method of collecting, keeping and spending the money of the parish; j) examining misunderstandings between the clergy and the parishioners concerning the means of support agreed upon or the fees for various offices; k) securing and keeping good order in the cemetery, managing and looking after it and fixing the prices of its lots; l) establishing treasuries for mutual help; m) establishing brotherhoods, societies, and unions, missionary, educational and charitable, and also of societies with purposes of moral growth, for instance, the temperance society, singing choruses and so on; n) finding means necessary for attending to the needs of the parish through self-imposed assessments, voluntary contributions, etc.

(To be continued.)

Редакторъ,

Каедральный Прот. А. Хотовицкій.